

журнал бориса стругацкого

ПОЛДЕНЬ

XXI ВЕК

В НОМЕРЕ:

Александр ТЮРИН
Александр ЩЕГОЛЕВ
Сергей СИНЯКИН
Андрей ХУСНУДИНОВ
Игорь БУЛЫЧЕВ

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН
Гарри ГАРРИСОН
Андрей ИЗМАЙЛОВ
Александр МАЗИН

2002
№1

Александр Геннадьевич Щёголев

Отрава с привкусом дзен

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168576

Полдень, XXI век. Журнал Бориса Стругацкого, №1, 2002: Геликон

Плюс; 2002

Аннотация

Жутковатый патопсихологический триллер про учителя-маньяка, способный напугать женщин и детей, в отдельных эпизодах которого допустимая доза физиологичности явно превышена.

И одновременно это – чисто «дзеновская» вещь, изначально метафоричная и нереалистичная. Ум посрамляется в его глупости, сила – в ее бессмысленности, а здравый смысл – в его трусости.

Содержание

1. Коан о мудрой собаке, избежавшей смерти	4
Всплеск на зеркальной глади прошлого	10
(Курсив времени):	
Зеркальная гладь прошлого:	15
2. Коан о бестолковых учениках, лишившихся	21
ушей	
Зеркальная гладь прошлого:	26
Зеркальная гладь прошлого:	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Щёголев

Отрава с привкусом дзен¹

Автор благодарит Во Го за разрешение использовать его сутры в этой безделушке и, приоткрывая тайну покойного мастера, сообщает, что Во Го смеялся, когда его называли дзен-буддистом.

Автор смеялся вместе с ним.

*Убивая кота, не становишься ли котом?
Вечный вопрос*

1. Коан о мудрой собаке, избежавшей смерти

Он из тех мужчин, кто может сломать себе руку, кинув снежок, кто роняет очки в выгребную яму, когда присаживается в деревенском туалете. Недоделок, каких мало. И даже теперь, когда Реальность позвонила в дверь его квартиры, он спит.

Непостижимо...

– Папа спит, – именно так и произнес с той стороны напряженный детский голосок.

Восемь утра. Суббота. Есть время понежиться в неведе-

нии. А ведь Реальность – опасная штука, потому что в Ней есть всё. Как смерть – это вовсе не отсутствие жизни, так и безумие – не отсутствие рассудка. Готов ли ты к тому, милый мой Щюрик Барский, что безумие и смерть естественным образом вплелись в нашу с тобой Реальность?

Мой указательный палец, коснувшийся кнопки звонка, это сила, которой невозможно противиться. Я терпеливо и молча жду, не отпуская кнопку. Звонить дважды – дурной тон. Дверь открывает мальчик (третий класс начальной школы, наметанным глазом определяю я). Очевидно, Барский-младший. И правда, Щюрик то ли жаловался, то ли хвастался вчера: мол, уже девять годов стукнуло моему несмышленишу, а он такой беспечный, что просто зла на него не хватает... Зла? Нет, зла нам не надо. Вовсе не с этой из мыслеформ я решил провести последние часы своей догорающей жизни.

– Папа спит, – повторяет беспечный несмышлениш в образовавшуюся щель.

Я рву дверь на себя.

Я – в прихожей. Дыхания не хватает, болезненный комок стоит в горле, тошнота накатывает волнами, но с этими убийственными симптомами я уже свыкся. Я – и есть прихожая. Я – Добро. Я – всё...

Вталкиваю малолетку в ванную комнату и защелкиваю шпингалет. Действую только одной рукой, вторая занята. Во второй руке – увесистый полиэтиленовый пакет, но его вре-

мя еще не пришло. Ребенок вопит и бьется о дверь ванной, тогда мне приходится опрокинуть дубовую вешалку – от одной стены к другой. Вешалка высокая, резная, массивная. Ванная зажата надежно, взрослый мужчина не сразу выберется. Острый клинок боли пробивает мне солнечное сплетение, но я, не обращая на эту частность внимания, быстро осматриваюсь... В одной из комнат виден работающий компьютер, на экране застыла картинка из игры «Косой доктор». Игра – про жуткого зайца со шприцем, который убивает микробов разными изуверскими способами, пока не доберется до микробного босса... Это детская комната. Я никогда не был здесь раньше, но во всем, что касается детей, я не делаю ошибок. Очевидно, мальчик встал с утра пораньше – и тут же к компьютеру, пока родители спят... Однако вот и родители. Из другой комнаты выскакивает очумелый полуголый папаша, видит меня, поправляет очки и успокаивается. Потом видит опрокинутую вешалку и страдальчески морщится. Потом он подмигивает мне и тут же отводит взгляд, откровенно борясь с зевотой.

Его лицо, страшно изуродованное давними ожогами, не вызывает во мне чувства неловкости. За годы и годы знакомства перестаешь замечать чужое уродство. Как, например, жена его... ведь он женат, как ни странно! Благополучный брак – соседям на зависть. Даже, вот, дитя нажили. Только «барский животик» (классическая шутка) да эта его трусливая манера не смотреть в глаза собеседнику достойны моей

брезгливости.

Брезгливо выждав секунду-другую, я заставляю себя подмигнуть господину Барскому в ответ. Взяв один из ботинок, свалившихся с полочки, я колочу каблуком о стену. Ух-ух-уххх! Не стена это, а перегородка: гудит, как набат.

– Что вы делаете?! – Щюрик с ленцой изображает крик, подсмыкнув «семейные» трусы.

Снова подмигивает мне и вымученно улыбается. Надеюсь, он уже пожалел о своей вчерашней просьбе...

Почему, собственно, Щюрик? Почему буква «ю», а не «у»? Потому же, почему «аукцион», «слюньки», а также «брацтво» и «скоцтво», то есть нипочему. Прикол, как любят говорить нынешние идиоты. Если со школы приклеилось что-то к человеку, отдирается оно только с кожей – кому, как не учителю это знать? Написал однажды маленький Шурик свое имя с ошибкой, кто-то увидел – и конец старому имени. Вдобавок, после несчастного случая, обезобразившего его лицо, и впрямь создавалось впечатление, будто парень постоянно всматривается куда-то, *щурится* от избытка света.

В прихожей – стоваттная лампочка. Явный избыток света. Черт, в глазах мушки какие-то. Башня болит и кружится. «Башня» на языке этих идиотов означает «голова»...

– А-а! Вот тебе, гад, на-получи! – всё валяет дурака Щюрик. И машет при этом мне рукой: входи, друг, входи, не стесняйся.

Ребенок в ванной притих, слушает.

Я вхожу в комнату. Разобранная постель и несвежая атмосфера меня не касаются.

За окном лает собака.

– А где жена? – интересуюсь.

– Ида? – шепчет он. – Обещала быть в полдесятого. После дежурства она к матери зачем-то поперлась.

Упоминание о чужой матери едва не валит меня с ног. Нельзя же так – сразу... Реальность кружится в хороводе. Я хватаюсь за дверной косяк. В полдесятого, думаю я. Дождусь ли, доживу ли? Хватит ли сил – дожить?

– Ты чего в такую рань? – продолжает шептать муж и отец.

– Разве? Договаривались на утро.

– Я вчера очень поздно лег, – сообщает он укоризненно. –

Что у тебя с голосом?

– А что?

– Осип, что ли?

Голос у меня и впрямь будто не мой. Во рту – пустыня без воды и без жизни. Язык – как вросший в песок валун. Нестерпимо хочется пить.

– Кое-кто вообще еще не ложился, – говорю я. – Догадываешься, кто?

Он молча хлопает ресницами. Тогда я наконец достаю из полиэтиленового пакета тот скромный подарок, который приготовлен для этого подлеца, после чего швыряю сию драгоценность на журнальный столик.

В пакете был кот. Дохлый, конечно, дохлее не бывает. Уже окоченевший. Стекланные глаза остановились в точке познания Истины, бледный язык вывалился из окровавленного рта, когти на лапах яростно растопырены...

Всплеск на зеркальной глади прошлого (Курсив времени):

...Я убил это ни в чем не повинное животное до того, как отправился на охоту за неким господином. Господин носил патетическую фамилию Русских... однако не о нем сейчас речь. Успешная охота за Божьими тварями требует особой нравственной мозоли, не так ли, подлый мой Щюрик? Вот в чем была проблема. Лично мне до нынешней ночи не довелось никого убивать – не сложилось, хоть и занимался я добрых пятнадцать лет боевыми искусствами. Может, потому и не сложилось. Убийство не есть ступень на пути самосовершенствования – так до сего дня я полагал. Иначе говоря, я резонно опасался, что в решающий момент дух мой даст слабину...

Таким образом, этот кот подвернулся как нельзя более кстати. Не ожидая подвоха, он азартно рылся в картонной мусорной коробке возле ночного продуктового ларька. Десятки раз он тут промышлял и опасался кого угодно, только не случайных прохожих. Я поднял его за шкурку, отнес на пустырь – подальше от фонарей, под могильный свет луны, – и там совершил задуманное. В четыре часа ночи не нашлось никого, кто посмел бы полюбопытствовать: «Простите, сэр, чем таким вы заняты?» Зверь вопил и брыкался, сражаясь за свою жизнь, но достать меня было непро-

сто – уж так устроена природа вещей. И все-таки он укусил меня, тварь! До крови. Бешеный? Пустил мне в жилы заразу? Даже если и так – плевать, плевать, плевать! Боль помогла мне решиться. Я перехватил его за задние лапы и шарахнул изо всех сил о бетонный забор.

Сил у меня изрядно, малый мой рост ох как обманчив. Однако с первого раза казнь не удалась. Страшно ударившись головой, кот остался жив: побрел куда-то, качаясь, как пьяный. И тогда я снова взял его, разложил на битых кирпичах, выбрал кирпич попримичнее, примерился...

«Убив червяка, не становишься ли ты червяком?» – один из вечных вопросов. Запрещая что-либо, мы берем на себя последствия того, что запретили. «Убив кота, не станешь ли ты котом?»

Сегодня была такая ночь, что все вечные вопросы, поджав хвосты, трусливо попрятались под лавки. Моя ночь.

*** * ***

– Что это? – спрашивает Щюрик, дрожащей рукою поправляя очки. До чего же пошлый жест!

– Не обращай внимания, – отвечаю я ему. – Считай, что это спортивный снаряд для тренировки совести. А где ваша киса? Которая живая... пока.

Он с ужасом смотрит на мертвое животное. Пусть потренируется, пусть.

– Наша киса? – вникает не сразу. – Наша спряталась, чужих боится. Подожди... Это муляж, да? Фу, гадость. Зачем ты ее притащил?

Объяснять ему – секунды жечь. Если не дурак, и так все понял. А он не дурак, этот уродец с жутковатой аппликацией вместо лица – сумел же он, в конце концов, очаровать такую женщину, как Ида! И на работе, по слухам, высоко ценится. Или все-таки дурак? Зачем, угостив меня жуткой своей таблеткой, ему понадобилось приглашать жертву в гости, что за дьявольский замысел? Ну, угостил бы – и покойся с миром, товарищ по детским шалостям...

Эта собака за окном сводит меня с ума!

Я валю Щюрика на ковер, как большого плюшевого медведя. Как партнера в кихон-кумите. Он крупный мальчик, зато я, пусть и не вышел ростом – учитель физкультуры. Пока еще учитель. Вдобавок – боевые искусства. Владею. «Л». ВладеЛЛЛ. Черт, заговариваюсь, мертвец ходячий. Сознание опять путается. Скоро конец урокам, пять минут до звонка... Страшно. Умирать любому страшно, даже такому, как я... Такому, как я? А какой он – я?

Принимая на себя карму убийцы, приближаю ли я прощение? Душа мне подсказывает – да. Но разум, разум... Не добравшись даже до середины Пути, я страшусь конца – ну что за нелепость! Почему я не мог просто смириться и ждать конца? Ведь сколько раз я говорил ученикам: смиришься сам, если взялся усмирять других... Великий Во Го однажды на-

писал, я помню эти слова наизусть:

«Контроль высших сущностей за деятельностью низших должен заключаться не в ограничении, а в предоставлении им возможности беспрепятственно развиваться – вплоть до самоуничтожения. К чему ограничивать то, что уже имеет предел?..»

Так что же я делаю в этой берлоге? Беспрепятственно развиваюсь – вплоть до... И кто здесь высший? Хотелось бы думать – я...

Усмиренный хозяин квартиры приходит в себя.

– Ты чего, скотина? – хрюкает он, откровенно струсив.

Вот теперь – никакой имитации, рассчитанной на перепуганного сына. Его малолетний наследник, запертый в ванной, тут же откликается: «Папа, папа, папа!» и звучно колотит чем-то в дверь – похоже, тазом. Тут тоже никакой имитации, ураган искренности. Тотальная искренность, как известно, это фундамент, на котором держится успех любого обучения. Искренность, а не квалификация педагога или способности ученика.

Когда Щюрик пытается подняться, мой ответ следует автоматически. Захват кисти, вторая рука – партнеру на локоть, и он, падая, врезается в журнальный столик с дохлой кошкой. Что ж ему всегда не везет?! Очки его в толстой оправе слетают с носа. И вновь мой плюшевый медведь успокаивается, кашляя зубами. Тем временем я связываю ему волосатые руки и ноги длинным эластичным бинтом – ноги

фиксирую в коленях и лодыжках, руки – за спиной.

– Спятил... – выхаркивает он. – Скотина...

Кто спятил? Да я один среди вас нормальный! Однако время для разговоров еще не пришло, урок еще не начат. Да и силы, честно говоря, вдруг кончаются...

Я падаю в кресло. Воздуха в комнате явно недостаточно. Будет обморок, с отчаянием понимаю я. Коллапс. Ох, как некстати. Эй, есть здесь кто-нибудь Высший, не пора ли вмешаться?.. Меня рвет – прямо на их чистенький, гигиенически безупречный ковер. Чудеса. Я полагал, рвать мне уже нечем. Наверное, вышли остатки воды, которой я неумело делал себе промывание желудка, смешанные с остатками молока, которое я пил в идиотской надежде притормозить действие яда. А еще я пил марганцовку, крахмал, активированный уголь, антибиотики, даже кардиомин – дилетант, болван самонадеянный, – но поздно, слишком поздно. Так давно это было, и столько раз с тех пор меня тошнило, сначала успешно, потом безуспешно, что я чуть было не смирился... Спазмы сотрясли квартиру и утихли, оставив на месте этот проклятый сухой пыж, распирающий изнутри мою грудь.

Нет мне освобождения. Цепи крепки...

Я не смотрю на тело, барахтающееся под моими ногами, не слушаю, как плачет наказанный ребенок. Окно выходит во двор. Последний этаж. Там, во дворе, монотонно лает эта поганая псина, лает бессмысленно и бесконечно, однако нет сил, чтобы спуститься и убить ее...

Зеркальная гладь прошлого:

...Был вечер пятницы. Была конференция городского масштаба под потрясающе свежим названием «Учитель года». Подведение итогов, прости Господи их всех. «Они» – это лауреаты, разумеется. Ну, то есть не я. Разве можно признать учителем того, кто не тусуется круглые сутки в городском отделе народного образования? Нонсенс. Тем более, если этот чудак, который ставит работу с детьми выше неформальных контактов с начальством, – мужчина. В учительском деле – матриархат, господа претенденты. Первое место (вместе с навороченным компьютером и путевкой в Турцию) было отдано по традиции представителю района-организатора, манерной даме с тугим кукишем вместо прически. Второе место (кухонный комбайн и путевка в Крым) получила экзальтированная крашенная блондинка в красном платье, красном шарфике и красных туфельках. Третье место (путевка в Одессу)... ну да сие неважно. Я со своей авторской программой «Слияние трех Лун» удостоился одной гвоздики в комплекте с назидательной брошюрой. В общем, без обид. Я бы почувствовал унижение, если бы хоть кто-то в зале был выше меня. Пусть распределяют между собой блага их сказочного мира, пусть укрепляют цепи их Кармы, собственными руками закаливают металл этих чудовищных звеньев...

Брошюра, кстати, носила название: «Как молодеть, когда дети взрослеют».

В перерыве мероприятия мы и встретились. В фойе, возле столика с напитками. Я, ты, и Витя Неживой. Это фамилия такая, а не кличка – Неживой. Бывает. Не то чтобы мы были друзьями, скорее – просто одноклассники. Ты после института пошел в страховой бизнес и сделал неплохую карьеру. Демонстрируя клиентам свою безволосую, слепленную из кусочков голову ты убедительно врал, как однажды застраховался в этой самой конторе, а после несчастного случая на полученные деньги купил себе квартиру. Витя Неживой записался в менты и дослужился до майора ЗООП. Ну а со мной... и так все ясно, что со мной. Мы, кстати, частенько встречались – то на улице, то в других общественных местах, – все-таки в одном районе проживали. И вот опять – случайная встреча... Ой ли? Случайность, как известно, непознанная закономерность, а в некоторых случаях – всего лишь хорошо организованный ход в преступной комбинации. Какой вариант выбрать? Не вдаваясь в метафизику, примем за основу сам факт встречи. Я ведь тогда ни о чем не догадывался, заглядывая в твои бесцветные глаза, которые ты старательно прятал от меня...

Вечер пятницы, воскликнул я. Какая недобрая сила, друзья мои, занесла вас в этот музей размалеванных мумий?.. Ты с готовностью объяснил: мол, шеф твой – один из спонсоров, и ты – часть его свиты. Все просто. С Витей еще про-

ще: учителька, которая преданно цеплялась за его мускулистую руку, оказалась сегодняшней возлюбленной нашего полисмена, вот и явился он с ней за компанию. Майор Неживой менял женщин через день, иногда – по два раза на дню. Знала ли об этом дамочка? Феноменальный был бабник, животное, тантрический йог... но я отвлекся.

– Огорчен? – спросил меня проницательный майор.

– Удовлетворен, – возразил я. – Внутренний мир некоторых особей, как и ожидалось, подтвердил вульгарную зависимость от внешнего. Хотя, честно говоря, лишний компьютер моим идиотам тоже не помешал бы.

– Идиотами он называет учеников, ПИДАгог, – пояснил Неживой своей дамочке. – Всех без исключения. Кстати, познакомься, на самом деле это уникам. Вот ты у меня кто? Нормальная математичка. А он? Учитель физкультуры, литературы и физики, и все в одном флаконе...

Уникам, не уникам, но Витя сказал правду. У себя в школе я добился права вести три совершенно разных предмета, наплевав на глухое недовольство коллег. Учебная нагрузка, как мы понимаем, это деньги. Поскольку я не гнался за деньгами, ничто не нарушало моего Равновесия, ни чья-то зависть, ни бесконечные интриги. «Не следует увлекаться противопоставлениями, чтобы не нарушить психику», – писал великий Во Го. Вот именно. Прежде всего меня интересовало объединение... Объединение столь отдаленных друг от друга дисциплин, как гимнастика, литература и физика

– вплоть до полного их слияния. Этому и была посвящена моя конкурсная программа, благополучно не замеченная до-рвавшимися до кормушки приматами. На уроках физкультуры, например, детишки у меня наматывали круги по спортзалу под сказки Толкиена, гениально прочитанные одним известным актером. Ставилась кассета, включался магнитофон – и вперед. Отжимания выглядят так: вдох – это нечетная строка из «Евгения Онегина», выдох – четная. Вдох-выдох, вдох-выдох – и роман в стихах освоен. Расчет траектории баскетбольного мяча, летящего в корзину – с проверкой на практике. Изучение закона Гука на примере подкидной доски. Сочинение на тему: «Нарушение 2-го начала термодинамики в творчестве М.А. Булгакова»... и тому подобные конфигурации. Кому-то все это покажется карикатурой, ярким образцом патопедагогики, на что я замечу, что никто – НИКТО! – из родителей не выразил протеста. Удивительные чувства испытываешь, когда на твоих глазах из идиота начинает формироваться человек с развитым мышлением и устойчивым внутренним миром – совершенный человек... Совершенство – вот она, цель моей работы.

Правду сказал Витя, истинную правду! Равных мне нет, сколько не ищи.

Когда речь зашла о педагогике, ты, Щюрик, и воспользовался моментом, поделился своей проблемой. Как бы по инерции. «Боюсь, – говоришь, – за ребенка. Целыми днями, – говоришь, – места себе не нахожу».

Дескать, он у тебя маленький еще, и часто остается один дома. Долбишь человечку, долбишь, что нельзя посторонним дверь открывать – без толку! Даже когда вы с Идкой дома – все равно бежит впереди вас. Вы ему фильмы страшные подсовывал, триллеры всякие про маньяков – нет, не понимает. Идка говорит – задержка психического развития. Лишен чувства опасности. Вроде бы даже болезнь такая есть – отсутствие чувства опасности... Мало того, дверной замок за собой никогда не закрывает! С этим – просто беда. Приятели к нему бегают, сам он с улицы приходит – и все, дверь брошена. Забыл закрыть, видите ли. Бывает, не проследишь, и квартира полдня открытой может простоять...

Такая печальная история. Дошло до того, распалился ты, что однажды в собственной прихожей вы с женой обнаруживаете какого-то детину! Здоровенный, в тулупе, с квадратной челюстью. Подергал, видать, за ручку: было открыто, он и вошел. Увидел вас – и нет его. Простите, мол, ошибся. Тебя потом час трясло. А если б взрослых дома не было? Что бы этот бродяга с ребенком сделал?.. Хорошо бы пугнуть мальчика, подмигнул ты нам с Неживым. По-настоящему пугнуть, чтоб навсегда запомнил. Ну как, педагоги? Наука не против подобных методов?

– Проси вот этого парня, – сказал Витя, хлопнув меня по спине. – Лучше его – не найти. Зверь, монстр, фанатик... Был я как-то в его келье, – принялся Кожух с восторгом рассказывать своей молчаливой подружке. – Абсолютно голые

стены, ноль мебели, раскладушка в углу и нунчаки на подоконнике. Настоящий боевой монах-отшельник. От подробностей его холостяцкой жизни у тебя бы волосы дыбом встали, причем, по всему телу...

– Ну что, ДимАс? – тихо спросил ты меня. – Поможешь?

Монах-отшельник... Удачная шутка. Не знаю, не знаю. Прежде всего я – профессионал, и уже потом – монстр с нунчаками на подоконнике... Почему бы нет, весело подумал я. «Пугнуть мальчика». В гостях у четы Барских я ни разу не был, так что ребенок никогда раньше меня не видел.

А еще вот о чем мне тогда подумалось. Каким же ты, Щюрик, стал трусливым и мнительным, если готов опуститься до столь сомнительных воспитательных «методов». В детские годы, помнится, ты был решительно другим. Один наш с тобой опыт с подводной ракетой чего стоил...

– Жди меня завтра, – шепотом пообещал я.

2. Коан о бестолковых учениках, лишившихся ушей

Прежде чем начать урок, я достаю из кармана пиджака записную книжку. Зачитываю вслух цитату:

«Бездействие, как состояние, есть процесс служения Карме посредством минимального вмешательства в Реальность. Так, может, лучше умереть сразу, покончив жизнь самоубийством? Но самоубийство – так же есть действие...»

– Что ты по этому поводу думаешь, Барский? – спрашиваю.

– Бред, – откликается он сейчас же.

– Вот и я думаю, что самоубийство в нашем с тобой случае – не выход...

Мне нужна была сила, и я прикоснулся к ней. Мне нужно было хоть на миг вернуться в свой мир, и мудрые слова открыли дверь.

– Между прочим, – добавляю с гордостью, – это была цитата не из кого-нибудь, а из Во Го.

– Из какого Во Го.? – с ужасом спрашивает Щюрик.

– Не знаешь? Позор. Лучший российский автор в формате дзен, так что рекомендую. Жаль, публиковался только в Сети, да еще под псевдонимом.

– Ты спятил, ДимАс, – корчится он.

Я бы улыбнулся, если б смог выплюнуть зловонную трухлявую затычку, распирающую гортань. Кроме цитат в моей записной книжке хранится много чего полезного. Нестерпимо хочется проститься с внешней частью Реальности, пока есть еще время... а есть ли время?.. я хватаюсь за пульс – бусинки сердечных сокращений сыплются по ступенькам, обгоняя одна другую, вне ритмов и медицинских законов... листы записной книжки лениво перебирают воздух, как плавники висящей в воде рыбины... фамилии, телефоны, адреса – всё то, что никогда мне уже не понадобится... я бы заплакал, если б в сосудах моих осталась хоть капля влаги...

Мальчишка продолжает методично бить чем-то в дверь ванной, и тогда я встаю.

– Не смей трогать ребенка! – воет Щюрик мне вслед.

Догадливый ты мой.

Нет, я не за ним. В прихожей, среди лыж и ватников, я заметил комплект удочек. Хозяин, оказывается, не дурак порыбачить. Однако леска там слабовата – для моих целей не годится. Поэтому, не выходя из комнаты, я останавливаюсь возле дверного проема. Здесь мастеровитый хозяин устроил вместо двери остроумное украшение: свисающие до пола гирлянды из пивных пробок. Пробки нанизаны на толстенную леску, вернее сказать, на плетеный поликарбонный шнур (ширина – около трех миллиметров в диаметре; выдержит любой вес). Обрываю всю эту конструкцию к черто-

вой матери и ссыпаю пробки в угол. Потом делаю из шнура удавку и возвращаюсь к своей добыче.

У господина Барского завязаны и передние, и задние конечности, поэтому ставить его тушу на ноги приходится мне. Он пытается устроить возню, но одной зуботычины достаточно, чтобы процесс завершился. Петлю я набрасываю ему на шею, а другой конец шнура, встав ногами на разобранный диван, перекидываю через крюк, на котором висит люстра. Устанавливаю пленника точно под этой люстрой, после чего натягиваю и закрепляю шнур на крюке.

– Не дергайся, – предупреждаю я друга детства. – Потеряешь Равновесие, и ты – висельник.

– Зачем ты это делаешь, Клочков? – спрашивает он, на мгновение заглянув мне в глаза. – По-моему, спектакль с перебором.

Все-таки к его лицу невозможно привыкнуть...

– Зато пьеса хороша, – отвечаю я. – «Живой труп» называется.

– В каком смысле? – силится он понять. – Это что-то из классики? – тужится он вспомнить.

– Классика не умирает, в отличие от людей.

Я обрываю эту болтовню и иду наконец вызволять Барского-младшего из темницы. Пришло время. Поднимаю вешалку, освобождая проход...

Оказывается, он колотил в дверь не тазом! Здоровенный дюралевый бак для грязного белья проносится мимо меня

– еле успеваю вернуться. Как мальчишка справлялся с такой машиной? Да он воин! Я ловлю взбесившегося зверька на пороге, поднимаю в воздух и бережно встряхиваю. Что-то в нем смещается, что-то укладывается на место, и наступает взаимопонимание.

Бак для грязного белья пуст, как великая русская мечта. Бак – это просто находка, это даже более кстати, чем пивные пробки на шнуре. Беру трофей свободной рукой, возвращаюсь в комнату и сгружаю всё на ковер. Пацан тут же вскакивает.

– Обрати внимание на папу, – придерживаю я его. – Если ты вдруг решишь не слушаться старших, папа разволнуется и сделает себе очень больно. Ты когда-нибудь резал пальцы леской? А я резал, даже такой толстой.

– Леонид, все это понарошку! – с героическим весельем всхлипывает Щюрик. – Как игра в чеченцев!

Ага, значит моего подопечного зовут Ленья? Приятно познакомиться.

– Твое дело – стоять, – строго напоминаю я отцу. – Помни о леске, гроза чеченцев. Memento leska.²

Я снова сажусь в кресло. «Мушки» в глазах, сверло в груди. Что-то страшное, необратимое происходит с моим организмом, но я блокирую все эти отчаянные предупреждения. Время есть, не может не быть... нарушится Равновесие, мир перевернется... но эта чертова псина во дворе меня просто

² Язык Вергилия

достала! Достала!

– Ты – Леня, – приветливо говорю я мальчику. – Так? В третьем классе учишься? (*Он кивает.*) Видишь, я угадал. Хорошо учишься? (*Он крутит головой – нет.*) Ничего страшного, Леня. Я отметок не ставлю, так что двоек не бойся. А называть меня можешь дядей Димой. Или дядей ДимАсом, как больше нравится. По отчеству не нужно, мои ученики обращаются ко мне без отчества. Все понял?

Он упрямо кивает, так и не произнеся ни одного слова. Когда ребенок показывает характер – мне смешно!

– Звонок на урок! – бодро провозглашаю я. – Дз-зенн! Дз-зенн!

После чего надеваю бак для белья Леониду на голову. На маленькую стриженую голову с огромными от изумления глазами.

Зеркальная гладь прошлого:

...Вчерашний вечер продолжался. Наша теплая троица – я, ты, да Витя Неживой с влюбленной обезьянкой под мышкой, – еще некоторое время постояла в фойе, игнорируя торжественное сборище.

– Не хотите мятную конфетку? – спросил ты нас, доставая глянцевою упаковку. – Берите, берите!

И сунул мне первому. Упаковка была уже вскрыта, и я бездумно взял одну штучку. Воспитание – это условный рефлекс. Бывают ситуации, когда предлагают, надеясь услышать отказ, и когда дают от чистого сердца. Я тебя прекрасно знал, Щюрик, слишком много общих воспоминаний нас связывало... так мне раньше казалось. Я верил в твою искренность. Даже симпатизировал тебе...

Взял я эту невзрачную белую таблетку и положил себе под язык.

Хотя, именно вчера утром я сел на трехсуточное голодание. Пятница у меня вообще особый день, без пищи, без воды и без тренировок – так называемый вялый день. Ладно, думаю, вреда не будет. Помойка во рту, а кругом женщины, приятный запах изо рта не помешает... Это оказалась не просто мята. Это была адская смесь мяты, ментола и эвкалипта, и я пожалел о сделанном уже через секунду. Зато опытный Витя, не отличавшийся хорошими манерами, ре-

шительно отвел твою руку с угощением.

– А конфетки не отравлены? – с подозрением осведомился он.

Наш майор имел очень специфическую манеру общаться, и шутки его были весьма своеобразны. Мент все-таки – злая порода, улыбка всегда с оскалом. Вот, например, типичная история (со слов Вити, ясное дело). Некий его сослуживец уходит в отпуск. Стоят они на лестнице, перекуривают. «Ты вещи-то свои из рабочего стола собрал?» – невзначай интересуется Неживой. «В каком смысле», – удивляется коллега. «Ну, мало ли что за время отпуска с тобой может случиться, а то ведь потом *другим людям* придется барахло из твоих ящиков на пол вываливать...» Через полчаса сослуживец отлавливает Витю в коридоре – специально искал, бедолага! – и спрашивает, крайне озабоченный: «Стой, я не понял! Почему кто-то будет вещи из моего стола на пол вываливать?»

Юмор ментовского разлива – это когда не сразу распробуешь, шутит он, гад, или провоцирует. «Не отравлены ли конфетки...» Ты, Щюрик, сориентировался мгновенно, ответил Неживому в тон.

– Нет, – говоришь, – я обычно только первую притравливаю.

Дотошный майор заглянул в упаковку:

– Так ты ему первую и дал, инквизитор.

Потом мы дружно смеялись, и ты, Щюрик, беззаботнее всех. А потом конференция закончилась, и мы разбрелись в

разные стороны...

* * *

Бак – со вмятинами на дюралевых боках, однако это не мешает делу. Главное, что ребенку не составляет труда удерживать его на себе, настолько он легкий. Мальчик Леня разместился под этой штуковиной почти на половину своего роста, по пояс. Поразительно емкая тара! Пространства вполне хватает – и чтоб дышать свободно, и чтоб разговаривать.

А еще для разговора мне нужен большой ажурный подсвечник, который я снял с верхней полки серванта и предусмотрительно поставил себе в ноги.

– Леня, как ты думаешь, совершил ли ты ошибку, когда выпустил меня в квартиру? – начинаю я.

Под баком – молчание и слабое шевеление.

– Попробуй ответить голосом, – помогаю я мальчику. – Мне ведь не видно выражение твоего лица, как и тебе – мое. Совершил ли ты ошибку?

– Угу, – звучит глухой отклик.

– Давай мы попробуем исправить эту ошибку. Я тебе помогу. Попробуем?

– Угу.

– Что бы ты сейчас обо мне не думал, я – мудрый человек, облеченный всеми правами учить молодых людей. На всем земном шаре еще с древних времен дикие первобытные лю-

ди собирали у костра маленьких мальчиков, чтобы подгото-
вить их к тому моменту, когда они станут воинами. А воином
в первобытном обществе становился мальчик 13-ти лет! С
ними говорили мудрые старцы, и они запоминали все услы-
шанное слово в слово, на всю жизнь. Вот и сейчас ты стоишь
передо мной, как будущие воины стояли перед мудрым стар-
цем. О чем я буду с тобой говорить? Люди делятся на умных
и дураков. Умные очень осторожны, поэтому никто не мо-
жет их заставить сделать самим себе плохо. Дураки, наобо-
рот, только тем и заняты, что делают себе плохо, потому что
проигрывают любому, кто скажет им хоть одно правильное
слово. Близкий человек, папа или мама, никогда не заставит
тебя сделать себе плохо, но есть другие люди, и эти люди –
неизвестно кто. Они ходят по улицам и ловят момент, чтобы
сказать тебе правильное слово, которому ты не сможешь со-
противляться... Тебе интересно?

– Да, – тут же реагирует мальчик.

– Ты любишь какао?

– С молоком.

– Тогда закрой глазки, – прошу я его. – Сейчас я буду счита-
ть до двадцати четырех. После этого ты совершенно успо-
коишься и любые правильные слова, которые ты раньше слы-
шал, потеряют силу. Как я скажу, так ты и будешь думать,
так и будешь смотреть на жизнь...

Начинаю счет. «Один, два», – короткая пауза. «Четыре,
пять». Пауза. «Семь, восемь и девять...» «Десять, одинна-

дцать и двенадцать...» Считаю тройками. Равномерно и отстраненно. А вот и конец счета: «Двадцать два, двадцать три и двадцать четыре...» Некоторое время молчу. «Ты спокоен». Снова молчу... Все в порядке, можно работать.

– Теперь ты слушаешь меня очень внимательно, – произношу я медленно и ровно. – Ты слышишь только мой голос, никакие посторонние звуки нам не мешают. Мои слова входят в твои уши и растекаются по телу, как теплое какао с молоком. Это очень приятно. Теплое какао заполняет руки и ноги. Я все на свете знаю. Слушая меня, ты станешь самым умным. Твои уши ползут по телу, как две симпатичные улитки. Это смешно, правда? *(Из-под бака доносится рассыпчатое хихиканье.)* Они доползают до низа живота, и там останавливаются. Теперь твои уши – внизу живота. А теперь встань на колени и опустишь попой на пятки. Ты находишься внутри волшебного колокола, который будет звонить каждый раз, когда появится какая-то опасность. Сядь поудобнее и держи колокол руками. Опасность далеко, и она очень боится слов. Я подарю тебе эти слова. Все, что я говорю, входит в низ твоего живота и теплой струей поднимается по спине. До затылка, до самой макушки...

– Не получится, – вдруг шепчет Щюрик. – У ребенка очень плохая память. Мы его тестировали.

Я, собрав волю в кулак, неслышно встаю. Вплотную приближаюсь к этому горе-папаше, пытаюсь поймать его взгляд. Бесплезно. Глаза прячутся в складках собранного по кусоч-

кам лица. Лица, больше похожего на запеченную курицу.

У Барского окровавлен рот. Сам виноват, оказал властям сопротивление. Я выдергиваю из разобранной постели угол простыни и с помощью куска тряпки привожу его внешний вид в относительный порядок. Ни самого Барского, ни простыни мне при этом не жалко.

– Шнур не жмет? – участливо интересуюсь. – Поправить не нужно?

– Очки, – просит он, нервно подергивая безволосыми бровями.

– Что?

– Верни очки.

Законное желание. Я водружаю упавший аксессуар пленнику на нос. Массивная оправа удачно скрывает часть его шрамов. Ах, вот из-за чего он нервничал, закомплексованный чудак...

– И без тебя видно, – чеканю слова тихо и зло, – что у вас проблемный ребенок. Вчера ты упоминал про задержку психического развития? Я добавлю частичную интеллектуальную ограниченность, истерический невроз, дизлексию и некоторые другие отклонения. Оттого, кстати, он такой ненормально внушаемый, если ты смог это заметить. Только при чем здесь его память?

– Ну как же... – мямлит он.

– Не нужна мне его память, успокойся. Ты, главное, стой смирно. Надеюсь, рот тебе заклеивать не придется?

Возвращаюсь к ученику.

– Ты в безопасности, Леонид, – говорю я прежним голосом. – Я дам тебе силу, как обещал. Я сделаю тебя умнее всех. Ты хочешь быть умнее всех?

– Да, – отвечает мальчик еле слышно...

И пошла работа. «Умные люди – это осторожные люди. Дураки – это неосторожные люди. Неизвестно кто – это враг», – вбиваю в него каждую фразу по два раза. Прошу повторить. Вслух. Он повторяет, сбиваясь и путаясь. Помогаю ему. Еще раз – повторить. Хорошо. Дальше. «Я хочу быть осторожным» (повторить вслух – три раза). «И я буду осторожным! (Три раза.) „Я ненавижу неизвестно кого!“ „Я презираю неосторожных дураков!“ „Я буду идти путем осторожных людей!“ „И я достигну хорошего, уважаемого положения в жизни...“ Молодец. Отдохни...

Даю себе и мальчику небольшую передышку, затем начинаю главную часть.

– Открой глаза, малыш. Все в порядке. Как я и сказал, у тебя в жизни все будет хорошо. Ты сейчас в безопасности?

– Да.

– Это потому, что ты внутри. Ты осторожен. Ты с папой и мамой, вам всем хорошо, ты играешь в компьютер, к тебе ходят друзья. Снаружи нет папы и мамы. Там – Неизвестно-Кто. Знаешь, как он делает? Вот как!

Я бью железным подсвечником в бак – в нижнюю часть. Оглушительный звук. Дюраль – не бронза; наш колокол, увы,

не поет, а дребезжит... Сидящий на коленях ученик в панике вскакивает:

– Ой!

– Ты внутри, он снаружи! – кричу я, с трудом усаживая его на место. – Внутри – в безопасности! Разбуди папу или маму!

– Папа, – говорит Леонид. Голос его похож на голос робота.

– Папа проснулся, – говорю я. – Неизвестно-Кто испугался и убежал. Но теперь никого, кроме тебя, нет дома, и опасность вернулась. Придется справляться самому. Даю тебе первое слово силы: «Кто там?»

Бью подсвечником в бак. Дзззз, – отзывается колокол.

– Кто там... – монотонно произносит Леонид.

– Неизвестно-Кто просит: открой, пожалуйста. Его слово очень сильное и раньше ты не мог ему сопротивляться. Я даю тебе второе слово силы: «А вам кого?» Повтори.

– А вам кого...

– Неизвестно-Кто не отступает: мальчик, открой, пожалуйста. Ты не открываешь, ведь он снаружи. У тебя есть второе слово силы. Ударь им снова.

– А вам кого?

– Молодец. Неизвестно-Кто спрашивает: «Есть кто-нибудь из взрослых? Позови кого-нибудь из взрослых», – просит он. Ты отвечаешь: «Папа спит и не разрешил его будить».

– Папа спит и не разрешил его будить.

– Ты, конечно, знаешь, что ни папы, ни мамы дома нет, но Неизвестно-Кто этого не знает. Он испугается. Значит, ты – умнее. Он обязательно скажет еще что-нибудь, но ты ответишь: «Приходите позже». Повтори. (Повторяет.) И сразу уйдешь к себе в комнату. «Приходите позже», – самое сильное из всех слов. Давай-ка попробуем. Эй, мальчик, есть дома кто взрослый?

– Папа спит и не разрешил его будить.

– Я лучший папин друг.

– Приходите позже.

– Слушай, малец, он тебя накажет, если узнает, что ты меня не впустил! На компьютере запретит играть!

Молчание.

– Эй, друг, ты позовешь папу или нет?

Тишина.

– Ты чего там замолчал?

– Я ушел, – объясняет Леонид.

– Если ответил, значит ты испугался и не ушел. Ты проиграл. – Я трижды колочу подсвечником в бак. Мальчик орет.

Мельком смотрю на Щюрика: он – с перекошенной рожей, вибрирует, но стоит спокойно. Помнит о леске, трус! Связанные ноги напряжены, как высоковольтные линии.

– Ничего, это был его последний выигрыш, – говорю я через минуту, когда ребенок успокоился. – Сейчас ты в безопасности. Снаружи кто?

– Неизвестно-Кто.

– Он очень хитрый. Он может говорить и мужским, и женским, и даже детским голосом. Он думает, что ты глупый, и что тебя легко обмануть. Тебе предложат конфеты, мороженое, новые игры. Но ты хитрее и ничему не веришь. Вот он просится войти... – Я легонько, ногтем щелкаю по дюралевому боку.

– Кто там, – откликается мальчик.

– Незнакомая девочка. Говорит, что ваша соседка.

– А вам кого? – уверенно спрашивает он.

– Можно я от тебя позвоню? У нас телефон сломался.

– Папа спит и не разрешил его будить.

– Да я на минуту! Только позвонить.

– Приходите позже.

– Как тебя зовут, мальчик? Саша? Андрей? Алексей? (Молчание.) Хочешь зефир в шоколаде? (Молчание.) Чупа-чупс? А новые мультики? У меня диск есть. Я пока позвоню, а ты плеер посмотришь. (Молчание.) Ну я же знаю, что ты здесь! Видел новую петарду, «кузнечиком» называется? Подпрыгивает высоко-высоко, взрывается в воздухе, опускается на парашюте и на земле еще раз взрывается...

– Может, хватит? – взрывается Щюрик – вместо петарды.

– Вот и все, Леонид, – продолжаю я, не обращая на помеху внимания. – Незнакомая девочка ушла. Ты победил. Но опасность может вернуться в любой момент. Сиди и будь готов.

Подхожу к отцу ребенка. Он явно устал, еле на ногах дер-

жится. Плевать, выдержит. Его усталость не сравнима с моей...

– Воспитатель хренов, – говорю я ему. – Ты хоть раз объяснял сыну, что надо делать, если Неизвестно-Кто начнет ломиться в дверь вашей квартиры? Ты приклеил возле телефона бумажку с номером милиции и с вашим адресом? Ты учил его в случае чего бежать на балкон и кричать во все горло? Урок закончен, блин...

– Ну, дурак я, дурак, – стонет Щюрик. – Ты прав, конечно.

– Был бы нормальным отцом, давно бы отрепетировал подобные ситуации.

– Давай продолжим в следующий раз.

У Барского – почти истерика.

– Может, тебя еще и развязать? – подыгрываю я ему.

Он радуется, как дитя. Думает, я шучу, думает, сейчас все закончится.

– Слушай, Клочков, ну ты такое выдал! Я ведь, знаешь, поверил. Пошли на кухню, запьем это дело. Жаль, Идка не видела...

– А мы Идку подождем, – успокаиваю я его. – И правда, пусть посмотрит.

Искусственные восторги вдруг забыты.

– Подожди, я не понял...

– Сохраняй, сохраняй Равновесие.

– Ты что, в таком виде меня оставишь?

– Чего ты не понял? Хватит ли у нас с тобой времени до-

ждаться твою жену?

Изумленный отец и муж, кажется, по швам лопнет от мысленного усилия. Глаза его вылезают из трухлявых морщин, почти как у мультяшного монстрика. Очки сползают с носа.

– Пп-почему не хватит времени?

– Так меня же отравили! Ну, ты знаешь.

Изумление его не поддается измерению.

– Отравили? Кто?

– Ты.

– Я?

Тысячи оттенков ужаса! Чрезвычайно любопытно наблюдать сей пантомимический этюд.

– Какой актер умирает в тебе, – кратко аплодирую я. – Вернее сказать, умрет.

Зеркальная гладь прошлого:

...Шутка, она и есть шутка. Посмеялся и забыл. «*Я обычно притравливаю только первую...*» Да я и думать не думал об этом зигзаге нашего разговора и об этой злосчастной таблетке, когда возвращался домой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.